

У НАС ОБЩАЯ ЦЕЛЬ

Сов. артист - 1987, - 20 марта

После того, как в творческих коллективах театра были избраны художественные советы, редакция обратилась к главному дирижеру, председателю Художественной коллегии Большого театра К. Ю. С. народному артисту РСФСР А. Н. Лазареву с просьбой рассказать, какую роль отводят он Художественным советам в перестройке производственно-творческой деятельности театра.

Интервью Александра Николаевича Лазарева мы предлагаем читателям «Советского артиста».

У каждого Художественного совета есть свои задачи, вполне зависящие от того места, которое отводится его коллективу в работе театра. Вместе с тем есть у них у всех общие задачи, и они-то и являются главными. Это в первую очередь, создание нормальной творческой обстановки, поддержка наиболее талантливых, одаренных людей, это формирование исполнительских составов по единому принципу — выступают, работают, участвуют в спектаклях лучшие.

Главным и единственным лицом, отвечающим за спектакль — за его сценическую и музыкальную часть, за его общее состояние и даже декорации, — должен быть дирижер. Человек, который спектакль начинает и заканчивает. Я рассуждаю на то, что будут переомолены взаимоотношения дирижеров и солистов, равно как дирижеров и коллективов. Вместе с дирижером Художественные советы должны оценивать каждый прошедший спектакль, каждое выступление того или иного артиста, квалифицировать их твор-

ческое состояние и, если это необходимо, обращаться к администрации с просьбой о принятии административных мер вплоть до постановки вопроса о том, имеет ли право данный артист работать в Большом театре.

Художественному совету оперы предстоит заняться проблемой занятости солистов, их репертура и загрузки. У нас часто бывает, что артист, независимо от того, может он петь этот спектакль или не может, числится в составах исполнителей и считается, что петь ему не дает дирижер, который плохо к нему относится. Мне бы хотелось, чтобы товарищи, коллеги, люди, безусловно компетентные в вопросах вокала, а вы знаете, что в Художественном совете оперы — только певцы, принимали решения, которые были бы безусловными авторитетными для любого солиста.

Что касается Художественных советов коллективов, я бы сказал, вспомогательных (я имею в виду коллективы оркестра, хора, мимического ансамбля), то в хоре мне видится, во-первых, проблема кадров. Это — самая острая проблема повышения заработной платы, сколько проблема творческой отдачи. Мы не должны ставить артистов хора в такие условия, когда люди не успевают снять один грим, как делают другой. Нельзя петь по 8 часов в день. Художественный совет должен выработать положения, которые бы позволили, с одной стороны, создавать условия для того, чтобы проводимая работа была максимально полезна театру, а с другой — это должна быть работа, при которой артисты хора имели бы воз-

можность для индивидуальных занятий, для работы над повышением профессионального уровня.

Работа хора должна быть регламентирована — когда, после каких спектаклей может быть утренняя репетиция, после каких ее не может быть; какое количество репетиций необходимо для подготовки того или иного спектакля — оно не может быть бесконечным. Ведь у нас до чудовищных размеров растянуто время разучивания новых спектаклей. Это связано с непрофессионализмом. Наименее профессиональный коллектив — это, к сожалению, хор. Но, помимо этого, мне кажется, что причина и в плохой организации труда, и в слабом внутреннем планировании работы.

Не может, не должен главный, хормейстер всегда говорить: «Да». Нельзя постоянно соглашаться, иногда нужно говорить: «Нет. Если мы сделаем это, то не сделаем другое». И отказ должен быть обоснованным, аргументированным. Сейчас кто-то может посчитать это капризом хормейстера, а если будет мнение Художественного совета, то это — уже ответственное коллективное решение, которое нельзя игнорировать.

Все должно планироваться таким образом, чтобы творческая работа не превращалась в кабалу. Сегодня, к сожалению, это есть. И как следствие — и текучесть кадров, и недокомплект.

К сожалению, должен сказать и о том, что хор сегодня — самый недисциплинированный кол-

(Окончание на 4-й стр.).

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

лектив, где отсутствует воспитательная работа, а в результате мы видим неуважение к собственному труду, к театру.

В оркестре сложилась ненормальная ситуация из-за того, что никак не регламентируется репетиционное время. У нас стоит любому дирижеру сказать: «Мне нужно пять репетиций», как вызывается высококвалифицированный коллектив музыкантов для того, чтобы на его репетициях учился дирижер. Это приводит к творческому разложению коллектива. В результате люди отвыкли думать, отвыкли нормально работать — зачем мне это делать, думает музыкант, если а priori еще двадцать репетиций.

В ближайшее время будет принято решение, регламентирующее количество репетиций; при постановке новой оперы на каждый акт две коренные репетиции, на возобновление оперного спектакля, который идет в течение сезона, должна быть одна репетиция — и ни одной больше. Потому что нет смысла проигрывать все подряд, это никому не нужно. В каждом спектакле есть места, которые требуют повторения, репетиционной работы; остальные дирижер вправе спросить с музыкантов, всех участников спектакля, равно как и музыканты вправе спросить с дирижера. Художественный совет оркестра должен выступить с предложениями о наиболее разумном использовании репетиционного времени. Потому что нельзя в три часа уходить из те-

атра, в половине седьмого прийти на спектакль и говорить, что мы его хорошо играем. Это — не творчество.

В оркестре много говорят о том, что дирижеры, независимо от их профессионального уровня, квалифицируют оркестр, а музыканты, работающие в оркестре, не имеют возможности высказать свое мнение о дирижере. Думаю, что мы к этому обязательно придем, и Художественный совет оркестра вправе спросить дирижера — чем он занимается на репетиции, какова ее цель. Потому что самое страшное, самое чудовищное в нашей работе — когда люди не понимают, зачем они собираются. Это то, что растлевает, что убивает желание работать.

Мне бы хотелось, чтобы Художественный совет оркестра поставил вопрос о работе некоторых дирижеров. Должна быть взаимная требовательность и взаимная ответственность.

Коллектив мимического ансамбля в последнее время превратился, к сожалению, в некий придаток балета. Во многих спектаклях, где раньше танцевали артисты балета, выступает миманс. Это, например, «Снегурочка», «Борис Годунов», «Пиковая дама». Я считаю, что это плохая тенденция. Всегда наш театр был театром оперы и балета, где два ведущих коллектива дополняли друг друга, что давало высокохудожественный результат. Сейчас выступление миманса в качестве танцующего коллектива на меня лично производит отрицательное впечатление.

Есть в мимансе и другая беда:

ушли острые, яркие характерные личности, скажем так — тиллаки. Я еще помню, что когда мы с В. А. Покровским ставили «Игрока», были интересные характеры и образы. Сейчас я вижу сценически беспомощных мальчиков и девочек. В «Даре Салтана», например, скороморокам не надо делать ничего особенного — элементарные вещи, но исполняются это на уровне самодельности, даже, может быть, не очень хорошей. Сейчас в мимансе много молодых людей, окончивших Хореографическое училище и ждущих, когда их примут в балетную труппу. Думаю, что ждать этого события они должны в каком-то другом месте. Коллектив миманса надо пополнять людьми, имеющими актерское образование, сценическую подготовку.

На сегодняшний день наш миманс утратил свое значение и в таком виде он вообще не нужен театру. Творческое состояние коллектива — первейшая забота его Художественного совета.

Наши Художественные советы приступают к работе. Они должны стать трибуной гласности, открытого обмена мнениями по всем вопросам художественной, профессиональной жизни коллективов и всего театра. Сейчас их задача — выделить главные, самые серьезные для коллектива проблемы и немедленно начать их обсуждение. У нас общая цель — направить усилия Художественных советов и Художественной коллегии на значительное улучшение всех сторон производственно-творческой работы Большого театра.